

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Зайцевой Эльвиры Викторовны
«Архитектоника эстетического объекта в литературном произведении»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Литературоведческая традиция, связанная с именем М. М. Бахтина, складывается на протяжении более чем полувека. В конце 1960-х и в 1970-е годы труды Бахтина вошли в поле зрения российских исследователей как методологический источник изучения жанра романа и субъектной организации произведения. Параллельно в России и за рубежом усиливался интерес, в основном философский, к книгам учёного о Рабле и о Достоевском. В конце XX века радикальная интерпретация Ю. Кристевой бахтинских идей спровоцировала восприятие Бахтина как теоретика интертекста и породила интеллектуальную моду на наследие учёного. И только со спадом этой моды, уже в XXI веке, стало приходить осознание того, насколько в научных трудах М. М. Бахтина важна религиозно-философская составляющая.

Диссертационное исследование Э. В. Зайцевой посвящено разработке именно этой, религиозно-философской, стороны бахтинского научного творчества, и такая коррекция восприятия трудов учёного в описанном контексте обладает несомненной *актуальностью*. Диссертант рассматривает работы Бахтина, особенно ранние, относящиеся к 1920-м годам, и находит в них прямые переключки, вплоть до словесных формул, с богословскими и литургическими текстами. Апеллируя к словам С. Г. Бочарова, что «эстетика Бахтина – это именно эстетика <...> в теологических терминах», Э. В. Зайцева применяет наблюдения Н. Д. Тмарченко и показывает богословское происхождение таких характерных бахтинских понятий, как «неслиянность и нераздельность», «вненаходимость» и других. Согласимся с тем, как заявлена диссертантом во Введении *научная новизна* исследования: она заключается в раскрытии богословских истоков бахтинской эстетики словесного творчества без утраты внимания к специфике художественного письма.

В теоретическом отношении в диссертации видятся три опорных идеи. 1) в работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы...» двуприродность произведения представлена как «нераздельность и неслиянность» формы и содержания – и это есть применение халкидонского догмата о двух естествах Христа. 2) продолжающая взгляды М. М. Бахтина и В. И. Тюпы теория диссертанта о художественном событии как «триединстве единоприродных, но личностно различных автора, героя, читателя» – это применение основного тезиса тринитарного богословия к эстетической практике. 3) методика анализа произведения представлена как «прояснение содержания», центром которого является герой, через стадии его потенциальности, воплощённости и рождения в новом плане бытия. Здесь учение о Боговоплощении соединяется с понятиями паламитского богословия о Сущности и Её энергиях и

также переносится в эстетическую сферу. При этом диссертант настаивает на несмещении «богословия (как области сверхчеловеческого откровения) и эстетики (области человеческого творчества)» (с. 12). Методологическое совмещение идей богословия и эстетики создаёт такое теоретическое смысловое поле, в котором продуктивно меняется тип интерпретации литературного произведения, с чем связана *теоретическая значимость* исследования. А разработка соответствующей этим теоретическим основаниям новой методики анализа, многократно применённой в третьей главе диссертации и открывающей в привычных классических произведениях неожиданные стороны, создаёт её *практическую значимость*.

По структуре диссертация состоит из трёх глав. В первой главе диахронически рассматриваются взаимоотношения эстетики, философии и богословия как научных традиций, повлиявших на становление теории литературного творчества. Центральным становится понятие эстетического объекта, определение которому дано с опорой на Бахтина: «содержание эстетической деятельности, направленной на произведение» (с. 24). Ниже, вновь отсылаясь к Бахтину, диссертант определяет «содержание» как «познавательный-этический импульс, исходящий из творческой инстанции автора» (с. 26), а «оформленность содержания» квалифицирует как «эстетический объект» (с. 26). В этом и других местах работы недостаёт точных цитат со ссылками на источники (М. Бахтина и не только его), без которых трудно оценить правильность применения диссертантом идей предшественников. Для диссертации в целом характерно эссеистическое изложение, автор даёт ряд образных определений эстетического объекта: «тайна (идеал), заключённая в слово» (с. 28), «сияние формы» (с. 30), «буква текста, оживлённая идейно-образным содержанием» (с. 35). Применение формулировок фон Бальтазара и Хайдеггера иногда отвлекает диссертанта от прямого толкования текстов и идей Бахтина, вокруг которых построена философия исследования. Что же касается понятия «архитектоника», то оно, опять-таки в бахтинском духе, понимается персоналистически: её центром видится «ответственно поступающая личность человека, вокруг которой неслучайным образом формируется целостное бытие как событие» (с. 44). Здесь продуктивно наблюдение, что для Бахтина эпистемологическую роль играла картина мира Данте (с. 45–46).

В изложении Эльвиры Викторовны заметно последовательное отождествление понятий «идея» и «образ». «Произведение есть воплощение идеи (образа)» (с. 29, см. тж. с. 38, 41). Идея определяется как «квант мысли», который «называется либо внутренней формой (Потебня), либо внутренней речью, либо предметно-образным содержанием (Л. С. Выготский и Н. И. Жинкин)» (с. 36). При том что здесь соединяются довольно разные понятия, у нас возникает вопрос: насколько уместно в рамках философской эстетики приравнивать образ к идее? Не лучше ли вообще говорить об эйдосе? Тем более что сам Бахтин предостерегал о того, чтобы «представлять себе содержание как познавательное теоретическое целое, как мысль, как идею» («Вопросы литературы и эстетики», с. 37).

В составе первой главы наиболее содержателен раздел «Теология как теоретическая база философии искусства». Здесь обоснована правомерность использования теологического инструментария в исследовании художественного творчества. Логика диссертанта такова: платоническая терминология в IV веке была использована для формулирования христианской догматики, а теперь, обогащённая религиозными смыслами, она возвращается в эстетику, поскольку та имеет дело с платоническими эйдосами. Поэтому говорится об «онтологической непримиримости философии и богословия» вместе с их «исторической связанностью на поверхности в области рациональной теологии» (с. 62). Также в этом разделе показана связь Бахтина с философско-религиозным движением Серебряного века – движением, для которого эстетическая проблематика была одной из основных.

С теоретической стороны наиболее значимой является вторая глава диссертации, построенная вокруг анализа работ М.М. Бахтина на предмет присутствия в них влияний богословской традиции. Диссертант ставит в центр внимания догмат о нераздельности и неслиянности трёх лиц Божества. Этот догмат убедительно проецируется на отношения автора, героя и читателя в художественном событии. Эльвира Викторовна показывает, что «в мире Бахтина герой и Христос тождественно связаны, если не сущностно, то функционально» (с. 88). Источником богословского направления бахтинской мысли диссертант считает философию Невельского кружка. Условием соединения троих участников художественного события, в соответствии с понятиями христианства, является любовь. Сотериологический аспект художественности принципиально важен для диссертанта. «Автор создал героя от избытка любви, читатель, полюбив героя, встречается с автором. Единство любви между автором – героем – читателем обеспечивает сотериологию текста» (с. 78). Диссертант приводит ряд ключевых формул христианского вероучения и показывает, что они проецируются на художественное событие. «Троица есть отношение любящего к любимому и соединяющей их любви» (Августин Аврелий, с. 79). «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 16) – аналогично читатель приходит к автору только через героя (с. 79). Эта глава диссертации написана наиболее уверенно и последовательно (хотя местами не без повторов). Видно, что природа художественного события занимает Эльвиру Викторовну более всего. Возможно, упоминание архитектоники художественного события было бы уместно даже на уровне формулировки темы работы. В связи с этим у нас возникает второй вопрос: как диссертант проводит дефиницию между эстетическим объектом и художественным событием в общефилософском плане и применительно к осуществлённому исследованию?

И третий вопрос, возникающий при знакомстве с работой – о степени и характере активности читателя в художественном событии. В первой главе говорилось: «Творящая энергия произведения исходит из внутренней сущности автора и через героя сообщается читателю» (с. 32, см. тж. 61). Читателю отводится пассивная роль. Но тут же сказано, что мир художественного про-

изведения оживает «именно жизненной энергией троих» (с. 61). Эстетический объект «просвечивается по мере движения трёх человеческих энергий ... автора / героя / читателя друг к другу» (с. 33). «Герой заполняется живым содержанием читателя, который ... инкарнирует его в сотворённое художественное бытие» (с. 34). Во второй главе эта мысль развивается: «читатель становится со-творцом формы, со-автором» (с. 85); «В рамках произведения все три лица имеют одну согласную волю к осуществлению или эстетическому завершению» (с. 94). Если воля принадлежит каждому, то активность читателя – встречающая, интерпретирующая – всё же присутствует?

На наш взгляд, проблематизация положения читателя обостряется, когда диссертант пишет: «Соотнести свойство Второго Лица ... со второй позицией эстетической троицы возможно, равно как нерождение и первопричинность Отца с креативностью ... а “животворящую” исходящую силу Духа – с рецептивностью» (с. 96). Но рецептивность – не свойство автора, в отличие от всеприсутствия Духа, который Сам тоже есть ипостась Бога. Здесь нам видится принципиальное отличие изначально тварной эстетической триады от Троицы живоначальной. А.Ф. Лосев в диалектическом конструировании различал «Тетрактиду А», символизирующую природу Божества, и «Тетрактиду Б», символизирующую природу тварного космоса. Возможно, здесь путь к разрешению противоречия, о котором мы говорим. Во всяком случае, вопрос о природе и характере активности читателя остаётся открытым.

Созданную параллель между Троицей и эстетической триадой диссертанту удачно проецирует в область диахронии: подобно тому, как в истории совершалось последовательное Откровение трёх Лиц Божества, и осознание ипостасей триады тоже совершалось последовательно. Последней, в эпоху модерна, открылась суверенность и необходимость ипостаси читателя. Это спровоцировало впоследствии появление радикальной идеи о «смерти автора», которую диссертант справедливо сближает с тезисом Достоевского «Если Бога нет, то всё позволено» (с. 97–98). Наглядность таких прикладных выводов позволяет говорить об эвристической плодотворности восходящей к Бахтину и развиваемой диссертантом теоретической концепции.

В конце второй главы говорится о «творческой энергии» в произведении. Отсылаясь к Григорию Паламе (с. 99, 106), диссертант акцентирует причинность в отношениях сущности и энергии. В терминологии Г. Когена, эта энергия трактуется как «чистая любовь», в терминологии М. Фуко, как «имя автора» (с. 106), у В. В. Виноградова это «образ автора» (с. 107). Это «имманентная связь между воплощённым словом и тем, кому оно принадлежит» (с. 107). Присутствием этой энергии гарантируется единосущность трёх ипостасей эстетической триады, трёх «точек вненаходимости» (с. 103): автор / герой / читатель.

Ведя речь о методологии анализа произведения, Эльвира Викторовна прибегает к оригинальной метафоре: «Акт завершения – это эстетическая пасха» (с. 89), – имеется в виду, что герой «воскресает в новом плане бытия». «Сотворение, воплощение и воссоздание художественного мира произведе-

ния и представляет собой акт словесного художественного творчества в его триединстве» (с. 96). На этой последовательности, в её соотнесении с сюжетом, и строится анализ произведения.

В третьей главе диссертант показывает возможности и эвристические перспективы предложенной последовательности анализа. В качестве материала взяты четыре произведения разных периодов развития русской художественной литературы. Сначала рассматривается архитектура романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Диссертант подробно описывает символические подтексты, возникающие при сопоставлении текста Лермонтова с библейской и литургической словесностью. Плодотворным представляется осмысление Персии (места смерти Печорина) как крайней точки Востока, откуда «библейские волхвы начали своё движение к Рождеству, к Боговоплощению» (с. 128). Такое осмысление позволяет актуализировать парадигматическую последовательность становления героя: от потенциального – через воплощённого – к явленному в новом бытии. При этом «Кавказ предстаёт как пространство религиозного мистического опыта» (с. 128). В контексте аналитических построений Эльвиры Викторовны важную роль также играет последовательно показанное противопоставление в романе образов света и тьмы. Два приложения к диссертации раскрывают фольклорные и литературные подтексты повестей «Тамань» и «Княжна Мэри».

В качестве опорных для становления героя диссертант выделяет три участка романа: это описание Гуд-горы, пейзаж в начале повести «Княжна Мэри» и встречи с Верой. Последовательность этих фрагментов актуализирует «дантовский код» (с. 137), проецирующий на роман архитектуру «Комедии» итальянского поэта. Через этот код прочитывается пространственная и временная организация «Героя нашего времени». Вера сопоставляется с Беатриче, образ Веры становится укором, провоцирующим «смерть ветхого человека» (с. 165) в Печорине. Поступок Печорина в «Фаталисте» – взятие живым обречённого казака – извлекает героя из собственной уединённости и открывает ему возможность диалога с Другим, персонифицированным в фигуре Максима Максимыча.

При анализе повести И. С. Тургенева «Вешние воды» привлекаются прототипические сюжеты «Фауста» Гёте и «Энеиды» Вергилия, а также притча о блудном сыне. Кроме того, Эльвира Викторовна показала продуктивность сосуществования в повести карнавального начала, связанного с комедией масок, и христианского начала. Они дают герою, с одной стороны, освобождение, с другой, подлинную свободу: «карнавальный смех освобождает человека для дальнейшего движения к спасению» (с. 191). Финал повести с распродажей героем имений и отъездом в Америку – Новый Свет – трактуется как воскресение в новом плане бытия.

В анализе рассказа А. П. Чехова «Невеста» в качестве подтекста рассматривается евангельская притча о десяти девах, ожидающих встречи с Женихом. Для Эльвиры Викторовны «архитектура чеховского рассказа – это просветление души человека», которое «сродни облачению в свадебное

одеяние» (с. 194). В финале рассказа «героиня воскресает, рождаясь в новом плане бытия – становится поистине свободной для вечной жизни в ментальном опыте человечества» (с. 200).

Архитектоника романа О. Стрижака «Мальчик» словно специально иллюстрирует развиваемую Эльвирой Викторовной концепцию о трёхэтапном становлении героя, завершающемся в сознании читателя. Поэтому роману Стрижака в аналитической главе уделено значительное внимание. Диссертант видит в основе сюжета романа движение героя от внешнего человека к внутреннему, от ветхого – к новому. «Борьба с самим собой очищает ветхого и соединяет с новым» (с. 210). Два главных персонажа, Сергей Владимирович и Мальчик, тяготеют к соединению в образе одной личности: со стороны первого это даже осознанное стремление. «Мальчик изнутри оживляет Сергея Владимировича. Преображение внешнего внутренним характеризуется переходом индивидуальной эгоистической воли в ипостасную (интерсубъективную) волю» (с. 211). В романе задействован дантовский код наряду с гомеровским. Это «возвращение Одиссея в свой дом и встреча Данте и Одиссея в предпоследнем кругу ада» (с. 230). Поэтому тема дома в романе акцентирована. Символически она интерпретирована так: «Внутреннему Я нужно вселиваться в своё сердце и выгнать оттуда незаконных квартирантов» (с. 236). Персонажи, названные «Насмешница», «Юлий» и «Мальчик» представлены как платонические первообразы всех героев. «Мальчик – это образ спасаемого любовью человека – внутреннего Я героя», все трое – «воплощённые эйдосы Отца – Матери – Сына / мужчины – женщины – мальчика» (с. 214–215). Женские образы романа воплощают архетип Елены, трансформирующийся в Марию (Богородицу) и Вечную Женственность. «Елена – желание эгоистического обладания, Мария – направление желания в соборное спасительное русло» (с. 221). Женский архетип для мужских персонажей является путеводным и в итоге милующим, спасающим. Мальчик для Мужчины символизирует момент истины, встречу с правдой, к которой Мужчина стремится. При этом «желание искреннего самопознания открывает возможность диалогических отношений между Я и Другим» (с. 225). Эльвира Викторовна показывает, что в романе «преобразование внешнего (ветхого) человека в нового совершается постепенным изменением его волевого вектора – от эгоизма ... до стремления найти себя в другом»; «Внешний человек умирает, а внутренний живёт и обновляется» (с. 208).

Осуществлённые в третьей главе аналитические разборы произведений показали действенность и смысловую продуктивность предложенной диссертантом схемы анализа. Сделанные выводы, касающиеся как отдельных текстов, так и концепции в целом, являются *достоверными* и *обоснованными*. Положения, вынесенные диссертантом на защиту, нашли подтверждение в проведённом исследовании. При своей значительной насыщенности необходимыми отсылками к богословию и философской эстетике диссертация находится в предметном и проблемном пространстве теории литературы и способствует современному структурированию этого научного пространства.

В отзыве нами высказан ряд замечаний и вопросов. Они предполагают организацию научного диалога и не отменяют очевидных достоинств оппонируемой диссертации, в которой проявились широкий охват исследователем гуманитарной методологии, владение научным аппаратом ряда смежных дисциплин, навыки обобщения и систематизации в применении к разнородному материалу. Диссертация Э. В. Зайцевой характеризуется актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью, достоверностью и обоснованностью выводов, соответствует пунктам паспорта научной специальности 5.9.3 – Теория литературы. Основные результаты исследования прошли апробацию на научных конференциях и семинарах различного уровня. По теме диссертации опубликовано 6 работ, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат полно отражает содержание диссертационного исследования.

Диссертация Эльвиры Викторовны Зайцевой «Архитектоника эстетического объекта в литературном произведении» выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор Зайцева Эльвира Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры истории театра, литературы и музыки

ГАОУ ВО НСО «Новосибирский государственный театральный институт»

Кузнецов Илья Владимирович

12 мая 2026 г.

Адрес организации: 630049, Новосибирск, Красный проспект, д. 171/4.

Тел.: 8 (383) 223-48-87;

e-mail: ngti2004@mail.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки **не возражаю**.

